

ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ

О ЛУЧШЕМЪ УСТРОЙСТВѢ РУССКАГО ВОЙСКА,

СДѢЛАННЫЯ ВЪ НАЧАЛѢ ХУІІІ СТОЛѢТІЯ.

Преобразованія, предпринимаемыя въ какой либо странѣ правительствомъ, необходимо вызываютъ разнообразныя сужденія и толки между народомъ. Но въ подобныхъ случаяхъ замѣчается всегда болѣе или менѣе рѣзкая крайность, такъ какъ обыкновенно являются и безсознательные хвалители и безсознательные порицатели, основывающіе свои взгляды касательно предпринимаемыхъ преобразованій только на первыхъ своихъ впечатлѣніяхъ, не стараясь потомъ провѣрить ихъ внимательнымъ разсмотрѣніемъ дѣла со всѣхъ его сторонъ.

При такомъ общемъ состояніи умовъ, встрѣчаются порою люди, которые, сочувствуя начатому дѣлу, селятся отыскать въ немъ безпристрастно—хорошія и дурныя стороны вмѣстѣ; и хотя люди эти бываютъ отдалены отъ дѣла и по своему гражданскому и общественному положенію, но они пытаются, однако, сколько могутъ, представить его въ настоящемъ видѣ тѣмъ, отъ кого зависитъ его ходъ, и указывая на ошибочности и недостатки, стараются извлекать средства, которыя могли бы послужить и для скораго и для правильнаго его хода.

Конечно, среди такихъ людей бываютъ личности слишкомъ притязательныя на успѣхъ своихъ мнѣній, слишкомъ вѣрующія

въ свои познанія, и потому въ числѣ прожектеровъ, даже самыхъ благонамѣренныхъ, встрѣчаются и такіе, предположенія которыхъ вызываютъ только улыбку, и больше ничего.

Русская земля въ старыя годы не порождала прожектеровъ; всѣ слѣпо, безсознательно вѣрили въ мудрость тѣхъ, кому поручено дѣло; всѣ считали себя въ умственномъ отношеніи какими-то неспособными недорослями предъ тѣми, кто получалъ право вести дѣло, хотя бы онъ не имѣлъ къ нему никакой способности. Разсмотрѣніе дѣйствій лицъ, облеченныхъ такимъ правомъ, по мнѣнію людей благоразумныхъ, не подлежало суду общественному.

Впослѣдствіи, слишкомъ крутыя и слишкомъ быстрыя преобразованія Петра I-го, коснувшіяся почти всѣхъ сторонъ нашей гражданской, общественной и домашней жизни, должны были вызвать въ народѣ толки и возраженія, о которыхъ мы сказали прежде, и эти же самыя преобразованія породили въ русской землѣ, если мы не ошибаемся, *перваго* прожектера.

Въ то время, когда государь съ своими приближенными устраивалъ свою державу, безвѣстный крестьянинъ села Покровскаго, въ Новгородской губерніи, *Ивашко Посошковъ*, пытался указать государю на недостатки произведенныхъ имъ преобразований и предлагалъ разныя средства къ уничтоженію этихъ недостатковъ. Этотъ крестьянинъ, одаренный глубокимъ смысломъ, представлялъ государю всѣ дурныя стороны тогдашней русской администраціи, и между прочимъ коснулся въ своихъ сочиненіяхъ ратнаго дѣла той эпохи.

Излишне было бы говорить здѣсь о жизни и сочиненіяхъ Ивана Посошкова, потому что тѣ изъ нашихъ читателей, которые захотятъ познакомиться съ этою замѣчательною личностью, могутъ найти подробныя свѣдѣнія о Посошковѣ въ книгѣ, изданной профессоромъ Московскаго университета, г. Погодинымъ, въ Москвѣ, въ 1842 году, подъ заглавіемъ: «Сочиненія Ивана Посошкова». Указавъ на эту книгу, мы перейдемъ къ тѣмъ трудамъ нашего стариннаго мыслителя, которые касались военнаго дѣла.

Одно изъ сочиненій, всецѣликомъ относящееся къ этому предмету, написанное Посошковымъ въ 1701 году, было издано первый разъ въ Москвѣ въ 1793 году Ѳ. Розановымъ, подъ заглавіемъ: «Россіянинъ прошедшаго вѣка, или предложеніе Ивана Посошкова, поданное боярину Федору Алексѣевичу Головину».

Издавая сочиненіе Посошкова о военномъ дѣлѣ, Розановъ писалъ, между прочимъ, что «нѣкоторыя примѣчанія Посошкова, до тактики касающіяся, несмотря на странность его заключеній, заслуживаютъ вниманія военнослужащихъ». Расчисленія его, по мнѣнію Розанова, также для многихъ могутъ быть интересны, въ разсужденіи тогдашней цѣны хлѣбу, всякимъ припасамъ и виннымъ снарядамъ. «Въ похвалу сочинителя, прибавляетъ Розановъ, служить то, что онъ писалъ отъ «добраго» сердца и изъ любви къ отечеству, а отнюдь не для того, чтобы снискать себѣ какія выгоды. Онъ ощущалъ пользу, происходившую отъ государевыхъ предначинаній, но не въ силахъ былъ по своему непросвѣщенію проникать далѣе.»

О такихъ похвальныхъ намѣреніяхъ Ивана Посошкова, при составленіи имъ проекта объ улучшеніи ратнаго дѣла въ Россіи, мы можемъ судить изъ тѣхъ строкъ, которыми онъ заключилъ свое посланіе по этому дѣлу къ боярину Федору Алексѣвичу Головину. Вотъ эти строки:

«Паки прошу твою преблагую и всещедрую милость, государь Федоръ Алексѣвичъ, Господа ради, благоволи сіе мое писаніе прочесть и разсмотрѣть, и буде что узришь угодно, то пожалуй великому государю объяви *отъ своего лица, о мнѣ жь пожалуй умолчи*. А что написахъ отъ незнанія своего и въ чемъ погрѣшихъ, пожалуй оставь. Истинно не лгу, что отъ самаго желанія сердечнаго писахъ сіе, а не отъ достовѣрства, понеже земледѣлецъ есмь, а не воинъ; сего ради елико могохъ, толико и написахъ. Еще жь прошу милость твою и о семъ, да не всякъ зреть сего письма моего трудъ; но да будетъ оно въ сохраненіи для потребныхъ статей».

Г. Погодинъ, издавая сочиненіе Посошкова; «О ратномъ поведеніи», не сдѣлалъ при этомъ никакихъ особыхъ замѣчаній.

Итакъ, мы можемъ сказать, что первый русскій прожекторъ отличался и скромностію, рѣдкою въ такихъ людяхъ; мы можемъ это сказать потому, что онъ всѣ свои мнѣнія предоставлялъ въ собственность другому лицу; прожекторъ этотъ отличался также и сознаниемъ недостатковъ своего труда, что тоже не всегда встрѣчается въ людяхъ, навязывающихъ кому либо свои предположенія.

Смотря съ этой точки на сочиненіе крестьянина Ивана Посошкова «О ратномъ поведеніи», мы разсмотримъ, какія мѣры онъ считалъ необходимыми для лучшаго устройства русскаго

войска, и предоставимъ людямъ спеціальнымъ заключить, на сколько подвинулось у насъ военное дѣло противъ предположеній Посошкова, высказанныхъ слишкомъ за сто-пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Предположенія свои объ устройствѣ русскаго войска, по благочестивому обычаю того времени, Посошковъ начинаетъ словами: «Въ Троицѣ славимаго Бога, прошу о подаваніи вразумлѣнія», и, обращаясь къ боярину Головину, добавляетъ: «твою жъ милость, государь бояринъ Федоръ Алексѣевичъ, прошу о прощеніи въ моихъ прегрѣшеніяхъ, яже отъ дерзновенія написахъ о дѣлахъ вѣдомыхъ и невѣдомыхъ; елико ми Богъ въ мысль вложилъ, не восхотѣхъ умолчать».

Представляя свои мысли о воинскомъ дѣлѣ, Посошковъ полагаетъ, что онъ чрезъ свое «непристойство и сухомысліе учинитъ великому государю нѣчто полезное и прохладительное».

Разбираемая нами статья Посошкова дѣлится, по изложенію находящихся въ ней предметовъ, главнымъ образомъ, на слѣдующія части:

Прежде всего, Посошковъ говоритъ объ устройствѣ и вооруженіи пѣхоты, а также о необходимости хорошей стрѣльбы изъ ружей; послѣднее, какъ мы увидимъ послѣ, составляетъ основную и почти постоянно высказываемую мысль всего проекта. Далѣе, Посошковъ переходитъ къ обученію конницы и къ улучшенію артиллеріи; при чемъ говоритъ «объ устройствѣ рогатокъ на колесахъ съ огненнымъ боемъ». Затѣмъ Посошковъ толкуетъ о стрѣльбѣ разсыпнымъ строемъ, о войнѣ «кампанствами», о жалованьѣ войску и объ отпускѣ солдатамъ военныхъ снарядовъ. Касаясь обученія солдатъ, Посошковъ замѣчаетъ о необходимости раздѣлять ихъ на солдатъ стрѣляющихъ, дѣйствующихъ холоднымъ оружіемъ и дѣлающихъ земляныя укрѣпленія; о пользѣ, которая можетъ быть для военнаго дѣла при хорошей обработкѣ желѣза, о правилахъ для приѣма оружія въ полкахъ, о недостаткахъ тогдашнихъ бомбъ, о выдѣлкѣ пороха и приготовленіи кирокъ.

Въ особенности же обращаютъ на себя вниманіе весьма важныя замѣчанія Посошкова насчетъ продовольствія солдатъ; замѣчанія эти онъ заключаетъ исчисленіемъ количества войска,

которое могло быть въ ту пору сформировано въ Россіи, и смѣтнымъ соображеніемъ расходовъ для его годичнаго содержанія.

Изъ этого краткаго обзора сочиненія Посошкова, относящагося къ военному нашему устройству въ началѣ прошлаго вѣка, видно, что Посошковъ еще и въ ту пору обратилъ вниманіе на всѣ предметы, составляющіе и въ наше время весьма важныя статьи при усовершенствованіи военнаго искусства и при улучшеніи военнаго быта.

Надобно также замѣтить, что, кромѣ сочиненія, исключительно посвященнаго военному дѣлу, Посошковъ высказалъ много мыслей объ этомъ предметѣ и въ другомъ своемъ сочиненіи, подъ заглавіемъ «О скудости и богатствѣ», оконченномъ, какъ видно, въ февралѣ 1724 года, и которое онъ намѣревался поднести императору Петру I Алексѣевичу.

Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи Посошкова, вся вторая глава заключаетъ въ себѣ разсмотрѣніе «О воинскихъ дѣлахъ». Здѣсь Посошковъ, кромѣ повторенія многихъ мнѣній, высказанныхъ имъ прежде въ посланіи къ боярину Головину, о недостаткѣ жалованья, о дурномъ содержаніи войска, самовольствѣ воинскихъ чиновъ, о необходимости общаго и равнаго суда, какъ для лицъ гражданскихъ, такъ и для лицъ военныхъ; указываетъ на необходимость усиленнаго обученія, на пользу имѣть въ войскѣ хорошее оружіе, пишетъ также о прибавкѣ жалованья за успѣхъ, при ученіи стрѣльбѣ въ цѣль, объ устройствѣ пѣхоты и конницы, о преимуществахъ хорошо обученнаго войска и наконецъ о наказаніяхъ.

Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ сочиненія Посошкова «О скудости и богатствѣ» встрѣчаются указанія на состояніе военной части въ его время; такъ что изъ всѣхъ трудовъ Посошкова составляется довольно полная и отчетливая картина состоянія нашихъ военныхъ силъ въ первой четверти прошедшаго столѣтія и встрѣчается много дѣльныхъ замѣчаній о средствахъ, при помощи которыхъ несомнѣнно можно было привести тогдашнее наше войско на лучшую степень устройства.

Разсматривая мысли Посошкова о военномъ дѣлѣ, мы во многихъ случаяхъ для большей ясности признаемъ необходимымъ измѣнить принятый имъ порядокъ изложенія, а для соблюденія же того отѣнка, которымъ отличаются сочиненія Посошкова, мы считаемъ не излишнимъ приводить порою собственныя его слова и выраженія. И такъ, для того, чтобы лучше оцѣнить

все достоинство замѣчаній, сдѣланныхъ Посошковымъ, мы находимъ удобнѣе въ самомъ началѣ представить описаніе прежняго войска, хотя собственно описаніе это въ сочиненіи Посошкова помѣщено почти въ самомъ концѣ его сочиненія «О ратномъ поведеніи».

«А ежли, Государь», пишетъ Посошковъ, обращаясь къ боярину Головину, «прежнія службы вспомануть, Богъ вѣсть, какъ они и устроилися: людей на службу нагонять множество, а если посмотрѣть на нихъ внимательнымъ окомъ, то ей! кромѣ зазору ничего не узришь». «У пѣхоты ружье было плохо», продолжаетъ Посошковъ, «и владѣть имъ не умѣли, только боронились ручнымъ боемъ, копьями и бердышами, и то тупыми, и на бояхъ мѣняли своихъ головъ на непріятельскую голову по 3 и 4 и гораздо больше; а хорошо тобъ, чтобъ свою голову, хотя головы на три непріятельскія мѣнять».

Соразмѣряя потерю головъ успѣшныя дѣйствія пѣхотнаго строя, Посошковъ дѣлаетъ о прежнемъ конномъ войскѣ слѣдующее замѣчаніе:

«А ежли на конницу посмотрѣть, то не то, что иностраннымъ, но и самимъ намъ на нихъ смотрѣть зазорно; въ началѣ у нихъ клячи худыя, сабли тупыя, сами нужны и безодежны, и ружьемъ владѣть никакимъ не умѣли».

Но если по отзывамъ Посошкова наша прежняя рать, вообще, не отличалась ни вооруженіемъ, ни хорошимъ знаніемъ дѣла, то и лица, начальствовавшія въ полкахъ, не были впереди всего большинства.

Такъ Посошковъ пишетъ, что иной дворянинъ не только не умѣлъ стрѣлять хорошенько въ цѣль, но не умѣлъ зарядить ружье. «Слышалъя», прибавляетъ Посошковъ, «и не отъ голыхъ дворянъ, что попеченія о томъ не имѣютъ, чтобъ непріятели убить, а заботятся о томъ, чтобъ только уйти домой; молятся также Богу и о томъ, чтобъ получить легкую рану и, не страдая отъ нея, быть однако пожалованными за нсе отъ Великаго Государя».

Не совсѣмъ лестно отзывается Посошковъ и о храбрости тогдашнихъ начальниковъ: «на службѣ того и смотрятъ», говоритъ онъ, «чтобъ гдѣ во время бою за кустомъ притулиться; а иные такіе прокураты живутъ, что и цѣлыми ротами притуляются въ лѣсъ или въ долу; да того и смотрятъ, какъ пойдутъ ратные люди съ бою, и они такожде, будто съ бою, въ таборъ прѣдутъ».

Въ дополненіе къ этому, Посошковъ говоритъ, что онъ слышалъ, какъ многіе дворяне говаривали: «дай де Богъ Великому Государю служить, а сабли бѣ изъ ноженъ не вынимать», и «по такимъ ихъ словамъ, добавляетъ Посошковъ, и по всѣмъ ихъ поступкамъ не воины они». «Лучше имъ, заключаетъ онъ, дома сидѣть, а то нечего и славы чинить, что на службу ходятъ».

При такомъ неудовлетворительномъ состояніи войска и при трусливости его предводителей, Посошковъ задаетъ боярину Головину такой вопросъ: «и такіе, государь, многочисленные полки къ чему примѣнить?» «Истинно, государь», отвѣчаетъ самъ же Посошковъ, «аще и страшно мнѣ рѣши, а не къ чему нельзя примѣнить, какъ къ скоту»; и замѣчаетъ далѣе, что если, бывало, убьютъ двухъ или трехъ Татаръ, то всѣ смотрятъ на нихъ, дивятся и считаютъ это удачнымъ дѣломъ, хотя бы при этомъ пришлось положить цѣлую сотню своихъ.

Желая какъ можно сильнѣе убѣдить боярина въ бесполезности прежней системы по устройству войска, Посошковъ говоритъ, что и предками своими намъ похвалиться не можно, и въ доказательство этого приводитъ неудачные походы князя Василія Васильевича Голицына, любимца царевны Софіи, въ Крымъ, къ Перекопской линіи. Упомянувъ объ этомъ, Посошковъ говоритъ, что Голицынъ пошелъ въ походъ съ тремястами тысячъ служилого люду и что противъ насъ вышло всего пятнадцать тысячъ Татаръ, но что наши войска, несмотря на свои превосходныя силы, не отважились продолжать бой съ Крымцами, бывшими въ такомъ незначительномъ числѣ.

Не довольствуясь этимъ, Посошковъ приводитъ въ примѣръ нашихъ неудачъ пораженіе полка, бывшаго подъ начальствомъ думнаго дьяка Емельяна Украинцова, одною татарскою конницею, дѣйствовавшею не огнестрѣльнымъ оружіемъ, но только стрѣлами; при чемъ, какъ говоритъ Посошковъ, Татары отбили у дьяка до 20 пушекъ: «а наши, добавляетъ онъ, изъ большого и изъ меньшихъ полковъ и изъ обозу вытти и выручить ихъ не смѣли: всѣ устрашились отъ малыя горсти».

Какъ доказательство плохаго устройства нашихъ войскъ въ концѣ XVII столѣтія, Посошковъ приводитъ то обстоятельство, что Татары на пограничныхъ мѣстахъ пріѣзжали къ рогаткамъ, набрасывали крюки на рогатки и разтаскивали ихъ, или же рубили ихъ саблями въ то время, когда сторожевые люди, по выраженію Посошкова, «изъ ружья стучать, да грѣмать, а Татары

и не глядятъ; потому что всѣ стрѣляютъ мимо, а ихъ убить не могутъ».

Все это заставляло, по мнѣнію Посошкова, обратить особое вниманіе на устройство войска, и Посошковъ, слѣдуя благочестивому настроенію того времени и призывая Божію помощь при начинаніи каждаго дѣла, старался, однако, весьма разумно развить ту мысль, что человѣкъ, при всей своей безграничной вѣрѣ въ заступничество за него Бога, долженъ и самъ заботиться о своей оборонѣ.

«Всѣ мы разумѣемъ», писалъ онъ по этому поводу, «что безъ воли Божіей и маленькой птички убить никому невозможно: однакожь, всегда надобно человѣку опасну и осторожну и къ ратоборству готову быть, и уборъ ополчительной надобно всегда доброй имѣть». «Если же мы», добавляетъ благоразумный Посошковъ, «обороны себѣ не умѣемъ держать, то нечего намъ и на Бога пѣнять».

Мысль свою, которая, быть можетъ, для большинства тогдашняго люда могла бы показаться еретическою, Посошковъ подкрѣпляетъ замѣчаніемъ, что и «псаломникъ вопіетъ: препояши оружіе твое по бедрѣ твоей сильне; и не просто сіе пророческое слово рѣчено», присовокупляетъ Посошковъ, такъ какъ бедро значить, по толкованію его, осторожность, а слово «сильне» значить умѣнье.

Для бѣльшаго же удостовѣренія боярина Головина въ богословской справедливости своихъ словъ, Посошковъ приводитъ примѣры изъ Св. Писанія.

«Егда и самъ Богъ, пишетъ онъ, полководствовалъ израильскому люду, обаче жъ и тогда тые Израильтяе оружіе не отлагали, но острыхъ мечей на непріятеля своего употребляли, и на защищеніе отъ непріятеля щиты имѣли; кольми жъ нынѣ намъ подобаетъ пещися о добромъ ружьѣ и о добромъ умѣнѣѣ полководномъ и ратоборномъ и о всякомъ ратномъ управленіи».

Далѣе Посошковъ весьма вразумительно объясняетъ почтенному сановнику, что «Богъ не снидетъ намъ тако помогать, яко же древле помогаль Иисусу Навину, Иерихонъ градъ разрушить ношеніемъ кіота Господня и множествомъ трубнаго гласа. Нельзя, по словамъ Посошкова, ожидать и того, чтобы мы, какъ Гедеонъ Мадіамлянъ, устрашили враговъ одними только трубами, да огненными лучами».

При томъ, говорить Посошковъ, и при пораженіи какъ Мадамлянъ, такъ и Иерихонцевъ, Израильтяне употребляли все оружіе, какое только въ тѣ времена существовало.

Доказавъ такимъ образомъ необходимость особенныхъ заботъ и постоянныхъ попеченій для хорошаго устройства войскъ, Посошковъ находилъ нужнымъ, чтобъ Государь, при стараніи боярина Головина, избралъ себѣ прямыхъ воиновъ бранныхъ и научилъ бы ихъ такъ, какъ онъ совѣтуетъ; причемъ онъ замѣчалъ что истинно право слово Божіе гласяще «еже страшливому на брань изходити не подобаетъ, подобно и неумѣющему не почто на брань ходить; потому что страшливый или неумѣющій сильному и умѣющему мѣшать и страхъ наводитъ будетъ. Страшливому и неумѣющему лучше дома сидѣть, добавляетъ весьма основательно Посошковъ, а на бой надобно забитыя головы—какъ полководцы, такъ и полчане».

Описывая неудовлетворительное состояніе нашихъ войскъ, Посошковъ, ревностный приверженецъ преобразованій и нововведеній, высказывалъ, однако, въ отношеніи къ наставлявшимъ насъ въ военномъ дѣлѣ Нѣмцамъ, оскорбленное самолюбіе чисторусскаго человѣка. Во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, онъ нападаетъ на иностранцевъ, получившихъ въ Россіи значительный перевѣсъ въ ущербъ Русскихъ.

«У нашихъ русскихъ людей, Государь», пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія, обращаясь къ боярину Головину, «руки есть такія—жъ, что и у иноземцевъ, и отъ непріятелей можно—бъ обороны держать, лишь бы ружье было доброе, да и умѣніе твердое. И иноземцы не отъ небеси пришли; но такіе—жъ люди, какъ и мы: всему тому навичка, да добрая расправа».

Въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія, Посошковъ также не упускаетъ случай кольнуть Нѣмцевъ; такъ, напримѣръ, одинъ разъ онъ пишетъ: «я истинно не помалу дивлюся и недоумѣваюся, что сказываются Нѣмцы люди мудры и правдивы, а учатъ насъ все неправдою»; другой же разъ онъ замѣчаетъ, что они «во всякомъ дѣлѣ насъ обманываютъ и ставятъ насъ въ совершенные дураки», прибавляя къ этому, что «за благодарностію Божіею, у Великаго Государя есть своихъ всякихъ людей разумныхъ. Много Нѣмцы насъ умнѣе науками, а наши острою, по благодати Божіей, не хуже ихъ», заключаетъ Посошковъ.

Все это, какъ мы сказали прежде, писалъ Посошковъ въ 1701 году; то есть тогда, когда только что начались преобразованія

Петровы. Казалось, что въ ту пору все начало быстро измѣняться въ землѣ русской; а между прочимъ и войско наше, преобразованное на иностранный ладъ, стало удачно бороться съ «баловнемъ побѣдъ» — Карломъ XII.

- Надобно бы, кажется, полагать, что войско, преобразованное Петромъ, по прошествіи слишкомъ двадцати лѣтъ, послѣ того, какъ писалъ объ немъ Посошковъ, должно было сдѣлать большіе успѣхи въ развитіи военнаго искусства и въ улучшеніи своего быта; но, обращаясь къ сочиненію Посошкова «О скудости и богатствѣ», которое, какъ мы сказали, было писано уже въ 1724 году, и въ которомъ онъ снова говоритъ о состояніи современнаго русскаго войска, нельзя не замѣтить, что оно, не смотря на всѣ старанія Петра и на всѣ видимыя въ немъ улучшенія, мало чѣмъ въ своей сущности отличалось отъ русскаго войска, описаннаго Посошковымъ въ 1701 году.

Полагая сказать въ другомъ мѣстѣ о предположеніяхъ Посошкова касательно военнаго дѣла, мы теперь замѣтимъ только то, что въ нашихъ войскахъ въ 1724 году существовало множество злоупотребленій. Такъ Посошковъ пишетъ: «есть слухъ, что нѣкимъ солдатамъ и по десяти алтынъ денежнаго жалованья не приходится на мѣсяць, а о таковой ихъ скудости, чаю, что Великому Государю никто не донесеть, но чаю, доносятъ, будто бы всѣ сыты и всѣмъ довольны». При этомъ Посошковъ рассказываетъ, что годовъ шесть или семь тому назадъ, одинъ солдатъ въ Вышнемъ-Волочкѣ, получивъ, за вычетами, только двѣ гривны, съ отчаянія разрѣзалъ себѣ брюхо, «и о такой причинѣ, добавляетъ Посошковъ, командиры никогда прямо Его Царскому Величеству не донесутъ».

Надобно также замѣтить, что не смотря на строгость дисциплины, введенной въ наше войско Петромъ, и на суровыя казни, которыми угрожалъ тогдашній воинскій регламентъ каждому нарушившему установленныя для людей военныхъ правила, войско наше въ 1724 году отличалось самовольствомъ.

«И при квартирахъ солдаты и драгуны такъ не смиренно стоятъ и обиды страшныя чинятъ», пишетъ Посошковъ, «что и изчислить ихъ не можно, а гдѣ офицеры ихъ стоятъ, то и того горше чинятъ: дрова жгутъ нагло, а буде дровъ не достанетъ, то и надобно лѣсъ рубить; а буде кто снаметъ говорить, что-де вамъ, по указу Великаго Государя, велѣно свои дрова жечь, то жестокае будутъ чинить и того ради многіе и домамъ своимъ не рады, а

въ обидахъ ихъ суда никакъ сыскать не можно: военный судъ еще и жестокъ учиненъ», замѣчаетъ Посошковъ, «да и жестоко доступить до него; понеже далекъ онъ отъ простыхъ людей: не токмо простолюдинъ не доступить къ нему, но и военный чело-вѣкъ не на равнаго себѣ не скоро судъ сыщеть».

Въ отношеніи военнаго искусства, войско наше тоже, не смотря на тщательное обученіе Петромъ Великимъ, не отличалось, однако, по отзывамъ Посошкова, и въ послѣдніе года Петрова царствованія хорошимъ знаніемъ военнаго дѣла, а ружейная стрѣльба была въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи.

Хозяйственная администрація въ войскѣ, какъ замѣчено прежде, была въ жалкомъ положеніи.

Такъ, въ подражаніе нѣмецкому устройству войска, мундиръ выдавался солдату и драгуну изъ казны, а потомъ стоимость мундира вычиталась изъ мѣсячнаго жалованья, которое производилось въ количествѣ тридцати алтынъ, и изъ котораго, между прочимъ, вычиталось ежемѣсячно алтынъ двадцать и болѣе; но надобно однако замѣтить, что на скудные остатки жалованья солдатъ долженъ былъ покупать себѣ шубу, шапку, рукавицы, чулки или онучи; такъ что, удовлетворяя этимъ потребностямъ, онъ уже не имѣлъ на что купить себѣ хлѣба, «и въ таковой скудости будучи» какъ ему не своровать?» спрашиваетъ Посошковъ, «и какъ ему изъ службы не бѣжать? нужда пригонитъ къ побѣгу, а шпой и измѣнитъ будеть готовъ».

Въ послѣднемъ своемъ сочиненіи Посошковъ уже и не упоминаетъ о пряткѣ въ кустахъ начальствующихъ лицъ, какъ это они дѣлывали прежде нерѣдко съ цѣлыми ротами, и не говоритъ о нежеланіи людей военныхъ вытаскивать на службу саблю изъ ноженъ. Надобно полагать, что непрерывная война со Шведами, примѣры личной храбрости, поданные самимъ Петромъ его войску, приучили послѣднее, не смотря на всѣ его недостатки, къ болѣе стойкости и къ смѣлымъ нападеніямъ, но однако и въ послѣдніе годы царствованія Петра, при всѣхъ его побужденіяхъ и взысканіяхъ, дворяне уклонялись отъ вступленія въ военную службу. Посошковъ рассказываетъ много подобныхъ случаевъ, называя порою поименно этихъ мирныхъ домохозяевъ, и замѣчая, что такая поблажка происходитъ отъ того, что въ полкахъ воеводы и полковники «скупы», съ нихъ берутъ и имъ мирволятъ.

«И не токмо городовые дворяне, но кои и по Москвѣ служатъ и называются царедворцами, а и тѣ множайше Великому Государю лгутъ: егда имъ нарядъ бываетъ на службу, то ини напишутся въ сыскъ за бѣглыми солдатами, и взявъ указъ и заѣдетъ въ свои вотчины, да тамъ и пробудеть военную пору; а иные напишутся въ выемщики, по дворамъ кормежное вино вынимать, и ко инымъ всякимъ дѣламъ бездѣльнымъ добившись, да тако и проживаютъ военную пору».

Нѣкоторые мѣста въ сочиненіи Посошкова, относящіяся къ уклоненію дворянъ отъ военной службы, по способу своего изложенія, обращаютъ на себя особенное вниманіе. Посошковъ въ особенности нападаетъ на здоровиковъ и рослыхъ ребятъ: «многое множество», пишетъ онъ, «у дѣлъ такихъ брызгалъ, чтобы онъ могъ одинъ пятерыхъ непріятелей гнать, а онъ добившись къ какому дѣлу наживочному, да живетъ себя да наживаетъ пожатки». Въ другомъ мѣстѣ, онъ замѣчаетъ, что одинъ дворянинъ «такой волоть, что еще бы въ лучшую службу и въ великанахъ служить могъ», а что между тѣмъ онъ уже лѣтъ двадцать живетъ себѣ въ отставкѣ.

Въ этомъ отношеніи, были постоянныя злоупотребленія, потому что всѣ богатые отъ службы «лыняли», а служили только бѣдные да старые; находились также въ Россіи и такіе дворяне, которыхъ, несмотря не всю строгость мѣръ, не могли принудить идти на службу; потому что, какъ говоритъ Посошковъ, «обыхъ дарами угобзять, а если посыльщики такіе, что съ ними этого сдѣлать нельзя, то прикинутся тяжело больными или юродивыми и бродятъ по озеру въ водѣ по самую бороду».

Бывало также и то, что въ случаѣ совершенной невозможности уклониться отъ похода, одинъ дворянинъ нанималъ иногда, вмѣсто себя, другаго убогаго дворянина, давалъ ему лошадь и человѣка, и онъ нанятый служилъ въ войскѣ подъ именемъ наемщика, тогда какъ первый самъ оставался дома, разгѣзжалъ шестерикомъ по деревнямъ и раззорялъ своихъ сосѣдей,

Впрочемъ, и числившіеся на службѣ дворяне не знакомилсь не только съ полевой, но и съ гарнизонной службой, и начальники ихъ не пеклись нисколько о томъ, чтобы они привыкали къ военному дѣлу «какъ побѣждать непріятелей».

Такое уклоненіе и такое пренебреженіе къ службѣ со стороны тѣхъ лицъ, которыя должны были подавать собою примѣръ ревности и усердія, имѣло, какъ видно изъ замѣчаній Посошкова,

весьма не доброе вліяніе и на духъ всего войска, отчего и молодые солдаты, даже и въ тѣхъ полкахъ, гдѣ они были и сыты и хорошо одѣты, служили не охотно.

Представивъ такимъ образомъ, на основаніи свѣдѣній, переданныхъ Посошковымъ, общій очеркъ состоянія нашего войска въ первой четверти прошедшаго вѣка, любопытно будетъ ознакомиться, какія средства человѣкъ того времени, непринужденнѣйшій самъ къ военному сословію, предлагалъ для улучшения ратнаго дѣла во всѣхъ отношеніяхъ.

Прежде мы замѣтили, что основнымъ условіемъ хорошо обученнаго войска, Посошковъ считалъ цѣльную стрѣльбу. Въ подтвержденіе ея важности въ нашихъ битвахъ съ Татарами онъ рассказываетъ слѣдующій случай.

Въ молодыхъ годахъ былъ я въ Пензѣ и тамошніе жители, служивые люди, замѣтивъ, что я хорошо стрѣляю въ цѣль, говорили мнѣ: «останься де ты здѣсь въ лѣто, то де мы Татаръ не будемъ бояться». Я было, продолжаетъ Посошковъ, и говорилъ имъ, что мнѣ одному съ ними дѣлать нечего; но служивые люди отвѣчали на это Посошкову такъ: «видимъ де мы, что ты скорѣе стрѣлять и пуль даромъ не теряешь, а Татары де напорчиво нападаютъ отъ того, что мы не умѣемъ никого изъ нихъ убить, а тебя де видимъ, что ты и по лицу убиваешь, а отъ нихъ де выѣзжаютъ нартики (фланкеры) и сажень въ десяти разъѣзжаютъ, а мы де уставя пищали, да стоимъ передъ ними, а ты де хотябъ одного убилъ, то они уже бы и не стали такъ наѣзжать, а если бы де человѣкъ двухъ—трехъ убилъ, то бы де и всѣ исчезли».

Рассказывая этотъ случай, показывающій всю важность мѣткой стрѣльбы для отраженія тогдашнихъ татарскихъ набѣговъ на наши юговосточные предѣлы, Посошковъ увѣряетъ въ справедливости своихъ словъ, прибавляя—«истинно не лгу».

Между тѣмъ, онъ, по поводу этого, дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія и предположенія на счетъ ружейной стрѣльбы.

«Въ военномъ дѣлѣ», пишетъ Посошковъ, «аще людъ будутъ военнаго артикула не весьма навькли и въ ружьѣ силы неразумѣющіи, къ тому же аще и стрѣлять цѣльно не умѣютъ, то весьма таковые въ военномъ дѣлѣ будутъ неспоры и неприятели нестрашны».

Если же, какъ выражается Посошковъ, солдаты въ ружьѣ будутъ силу знать и у фузей огнивы будутъ имѣть огнистые и кремни исправные, такъ, чтобъ небыло осѣчекъ, и если ружья

будутъ чисты снаружи и особенно внутри, «то такое ружье», говоритъ Посошковъ, «весьма надежно, и къ стрѣлянню цѣльно, и въ ратоборствѣ споро».

Давая пѣхотѣ исправныя ружья, Посошковъ замѣчаетъ, что нужно стрѣлять не попрежнему, не на вѣтеръ, но, какъ онъ выражается, «въ самое дѣло», такъ, чтобъ ни пуля, ни порохъ даромъ не пропадали и чтобъ солдаты такъ научились твердо стрѣлять съ руки, чтобъ «никакого бѣгуна, скачущаго на конѣ, не упустили».

Между тѣмъ, еще въ 1701 году, Посошковъ замѣчалъ, что тогдашняя пѣхота, благодаря стараніямъ Государя, была обучена гораздо лучше прежней «всякому шеренежному строю и скорообращательному бою». Но онъ считалъ исполнѣе ея удовлетворительною только тогда, когда она поражала непріятеля, не допуская его до рукопашной схватки.

Въ 1701 году, Посошковъ совѣтывалъ боярину Головину внушить Государю мысль, чтобъ онъ научилъ хотя одинъ полкъ Преображенскій или Семеновскій, или новый какой нибудь, составленный изъ пяти или десяти тысячъ охотниковъ, стариковъ или изъ новобранцевъ, все равно,—и чтобы научилъ этихъ солдатъ стрѣлять такъ, чтобъ не одинъ пули даромъ не потерялъ, но во что бы не хотѣлъ выстрѣлить, въ то бы и попалъ.

Между тѣмъ, эта статья обученія въ войскѣ, сформированномъ Петромъ, какъ видно изъ сочиненія Посошкова, была плоха; такъ онъ рассказываетъ, что во время одного сраженія, каждый изъ солдатъ Преображенскаго и Семеновскаго полка выпустилъ зарядовъ по 20, а убитыхъ Шведовъ было мало. «Хотябы они въ 50 выстрѣлахъ по одному человѣку убили, то славнобъ побѣда была, а то, Богъ вѣсть, работы людской и истраты казнѣ много было, а дѣла мало».

Предполагая составить особый стрѣлковый полкъ, Посошковъ, для поощренія служащихъ въ немъ, считалъ нужнымъ назначать каждому солдату жалованіе, сообразное съ его успѣхами въ стрѣльбѣ. Такъ онъ говоритъ, чтобы тѣмъ, которые будутъ умѣть стрѣлять съ руки по шапкѣ, стоящей неподвижно, и не будутъ давать никогда промаха, назначить, сверхъ положеннаго жалованья, еще прибавочныхъ по рублю или по два. Тѣмъ же, которые будутъ стрѣлять безъ промаха и притомъ по движущейся шапкѣ, сдѣлать еще большую надбавку; и наконецъ тѣмъ, которые будутъ попадать въ малую цѣль, какъ напримѣръ въ

айцо, безъ промаха, давать еще большую надбавку. Наконецъ, еслибъ нашлись такіе удалыцы, которые бь успѣли попадать въ самую малую и притомъ въ движущуюся цѣль, безъ промаха, то тѣмъ давать еще лишнюю прибавку, чтобы, какъ говоритъ Посошковъ, «на то зря, другъ передъ другомъ ревновали и въ наученіи подвизались».

Мѣрѣ этой Посошковъ приписывалъ еще и слѣдующую пользу. По его мнѣнію, вслѣдствіе такого распредѣленія солдатамъ жалованья, многіе изъ нихъ стали бы учиться стрѣлять своимъ собственнымъ порохомъ, и что тогда, по этому самому, многіе бы отличные стрѣлки добровольно изъ добрыхъ домовъ пошли бы «въ солдатскій чинъ».

Если такихъ удалыхъ стрѣльцовъ тысячь десять собрать, замѣчаетъ Посошковъ, и научить ихъ «скорообращательному строю», то чаю, что тѣ 10,000, лучше 50,000 у дѣла будутъ; «тобъ нашему Великому Государю самая достохвальная слава, и радостная война была», продолжаетъ онъ, «что малыми людьми многолюднаго непріятеля побѣждалъ».

Хотя несомнѣнно, что Петръ, имѣя дѣло со шведскимъ войскомъ, считавшимся въ то время едва ли не первымъ въ Европѣ по своей выправкѣ, и учась, какъ онъ выражался, у своего брата Карла военному ремеслу, улучшилъ въ теченіе долгодлѣтней войны свое войско, но какъ видно однако изъ сочиненія Посошкова, наши солдаты еще и въ 1724 не отличались мѣткою стрѣльбою и для улучшенія этой важной части Посошковъ, какъ онъ еще предлагалъ боярину Головину, такъ точно теперь предлагалъ Государю, чтобы тѣмъ солдатамъ, которые будутъ стрѣлять съ руки изъ ружей и бить въ 20 саженьяхъ по шапкѣ безъ промаха, давать жалованья рублей по 20 въ годъ, «дабы на то смотря и иные острились на такоежь умѣнье». Если же кто на этотъ самый разстояніи будетъ попадать въ подвижную цѣль, тому, по мнѣнію Посошкова, слѣдовало давать жалованья рублей по 25 въ годъ, «понеже таковой солдатъ, замѣчаетъ Посошковъ, заслужить за два или за три человекъ неумѣющихъ».

Излишнимъ, кажется, говорить при этомъ, что такія умѣренныя требованія въ прицѣльной стрѣльбѣ лучше всего обнаруживаютъ тогдашнее младенчество огнестрѣльнаго оружія сравнительно съ тѣмъ развитіемъ, котораго оно достигло нынѣ.

Несмотря на такую ограниченность требованія по нашимъ понятіямъ, стрѣльба, по проекту Посошкова, казалась столь

важною, что, по словамъ его, если бы можно было достигнуть этого, то «отъ русскаго солдата, будто отъ лютаго звѣря, всякій непріятель бѣжалъ бы безъ оглядки». Тогда бы, по мнѣнію Песошкова, тысяча такихъ солдатъ, при одномъ выстрѣлѣ каждаго, повалила непріятельскихъ людей сотъ пять, шесть, «а каковъ бы непріятель не былъ жестокъ, добавляетъ Песошковъ, уткнулъ бы и нехотя *рожу* свою отворотилъ бы назадъ. Я чаю, другаго запалу не стали бы дожидаться, добавляетъ торжествующій Песошковъ, а стали бы смѣкать, какъ бы на бѣгу уйтить».

Стараясь образовать изъ каждаго солдата надежнаго стрѣлка, Песошковъ энергически возстаетъ противъ, какъ онъ говоритъ, древняго солдатскаго обычая, по которому «только одно и ладятъ, чтобы всѣмъ вдругъ выстрѣлить, какъ будто изъ одной пищали»; «итакая стрѣльба», продолжаетъ Песошковъ, «угодна при потѣхѣ или при банкетѣ веселостномъ, а при банкетѣ кровавомъ, тотъ артикулъ негодится; тамъ не игрушку надобно дѣлать, а самое дѣло, чтобъ даромъ пороха не жечь и свинцу на вѣтеръ не метать, но весь тотъ принасъ шель бы въ дѣло, по что сошлся».

При этомъ случаѣ, Песошковъ возстаетъ противъ похвалъ такимъ сраженіямъ, въ которыхъ войска стояли въ огнѣ часовъ шесть, а между тѣмъ другъ друга сбить не могли. «Сія похвала нѣмецкая, добавляетъ Песошковъ, у нихъ бы и была, а намъ дай Боже ту похвалунажить, чтобъ съ русскими людьми нельзя было биться; ежели де единожды выпалятъ, то—де большую половину повалятъ. И такая битва не въ шесть часовъ, а въ одну минуту».

Вообще Песошковъ въ своихъ тактическихъ соображеніяхъ является противникомъ безсознательныхъ дѣйствій всей массы войска вообще; но требуетъ, чтобы каждый солдатъ отдѣльно умѣлъ дѣлать свое дѣло. Подъ вліяніемъ этой мысли, Песошковъ крѣпко возставалъ противъ ружейныхъ залповъ, производимыхъ цѣлою колонною вдругъ, и по поводу этого онъ, еще въ 1701 году, писалъ въ своемъ посланіи къ боярину Головину слѣдующее:

«По моему, Государь, мнѣнію, дружная стрѣльба только что красиво смотрѣть, а непріятелю не страшна она; а цѣльная стрѣльба хотя и некрасива стрѣльбою, только непріятелю страшна будетъ, и казна великаго государя спорабъ была, а солдатамъ покойно».

Читая эти соображенія русскаго крестьянина о военномъ дѣлѣ, писанныя въ ту пору, когда Европа стала принимать тактику берлинскихъ смотровъ и вахтъ-нарядовъ, какъ образецъ военнаго искусства, — нельзя не подивиться смѣтливости Посошкова. Онъ, вопреки мнѣніямъ лучшихъ тактиковъ того времени, возстаеъ противъ безсознательныхъ дѣйствій плотно сомкнутаго строя, и высказываетъ мысль объ одиночномъ развитіи солдата, мысль, которую стали осуществлять не только у насъ, но и во всей Европѣ еще въ слишкомъ недавнее время.

Въ примѣръ неудачъ, происходившихъ отъ тогдашнихъ правилъ касательно ружейной стрѣльбы залпами, Посошковъ приводитъ случай, бывший подъ Азовомъ, гдѣ солдаты, чтобъ отразить натискъ Татаръ, всѣ выстрѣлили разомъ и неубили даже десяти человекъ. Татары воспользовались тѣмъ, что Русскіе, послѣ неудачнаго залпа, стали снова заряжать ружья, стремительно напали на нихъ, и, какъ говоритъ Посошковъ, «что овецъ погнали во свою землю и съ полковникомъ».

Отдавая все преимущество при первой встрѣчѣ съ непріателемъ огнестрѣльному оружію, Посошковъ совѣтовалъ однако, какъ Головину, такъ и самому Петру, обратить особое вниманіе и на холодное оружіе. Необходимость этого рода оружія, хорошо приготовленнаго, богобоязненный Посошковъ основывалъ на Св. Писаніи, замѣчая, что на страницахъ его во многихъ мѣстахъ упоминаются обоюдо-острые мечи, и что о тупомъ оружіи тамъ нѣтъ и помину.

Вмѣстѣ съ этимъ, Посошковъ совѣтывалъ образовать особый полкъ для дѣйствій холоднымъ оружіемъ. При этомъ, Посошковъ замѣчаетъ, что прежде у насъ были бердыши, подобные тупому косарю, кованные изъ простаго желѣза, сабли тоже желѣзныя и тупыя, такъ что ни бердышемъ, ни саблею нельзя было прорубить даже платье. Для выдѣлки холоднаго оружія хорошаго качества, Посошковъ предлагалъ «кузнецамъ сказать указъ крѣпкой», чтобъ отнюдь изъ худаго желѣза ружья никакого не ковали, а на остріе клали бѣ сталь и чтобъ всякій мастеръ налагалъ на свои издѣлія свое собственное клеймо; дабы, въ случаѣ поставки въ войска дурнаго оружія, даже чрезъ десять лѣтъ можно было бы отыскать виновнаго.

Что же касается выдѣлки ружей, то Посошковъ предлагалъ установить жестокія наказанія, какъ челоуѣкоубійцамъ, длатѣхъ мастеровъ, ружья которыхъ будутъ разрываться, и постановить

правиломъ, чтобъ на каждомъ ружьѣ клалъ клеймо полковаго пріемщика.

Относительно конницы, Посошковъ предлагалъ еще боярину Головину, чтобъ Великій Государь изволилъ конницу учинить огнестрѣльную, такую, «чтобъ сказучи на коняхъ прыткостію, по цѣли били изъ длиннаго ружья саженьхъ въ 20, а изъ пистолей въ 5 саженьхъ.» Такихъ стрѣлковъ Посошковъ считалъ достаточно имѣть тысячу человекъ.

Для сформированія такого конно-стрѣлковаго полка, онъ предлагалъ набрать людей изъ низовыхъ городовъ и изъ сибирскихъ сторонъ, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ, говоритъ онъ, есть такіе стрѣльцы, которые скажутъ на копѣ во весь опоръ, заряжаютъ въ это время длинное ружье, и стрѣляютъ въ цѣль, но только не умѣютъ стрѣлять изъ пистолетовъ. «И если», добавляетъ Посошковъ, «такихъ стрѣльцовъ конныхъ научить и пистольной стрѣльбѣ, и шеренжному строенію, то кому такая бы конница не была страшна?»

Въ сочиненіи же, которое Посошковъ добивался представить самому государю, онъ, въ 1724 году, касаясь устройства русской конницы, дѣлалъ уже противъ 1701 года нѣкоторыя измѣненія; такъ онъ, вмѣсто тысячи человекъ, предполагалъ имѣть въ конномъ стрѣлковомъ полку отъ 5 до 6 тысячъ, вооружить каждаго солдата въ этомъ полку добрымъ цѣльнымъ ружьемъ и парюю длинныхъ пистолетовъ; кромѣ того, считалъ нужнымъ дать каждому по парѣ карманныхъ кортиковъ и острое копьцо, которое бы прикрѣплялось къ сѣдлу; сверхъ этого вооруженія, каждый всадникъ долженъ былъ имѣть подъ ногою ратовище, длиною аршина въ три съ небольшимъ.

Вооруженныхъ такимъ образомъ всадниковъ Посошковъ предполагалъ одѣть «въ красныя одежды огненнаго цвѣта», «по-неже, писалъ онъ, они огнистые люди, яко огонь малый многія дѣрева пожигаютъ, тако и сіи. Аще на пространномъ и свободномъ мѣстѣ, то и малыми людьми, аще Богъ помощь свою имъ пошлетъ, могутъ многихъ поразити».

Предлагая улучшения по пѣхотѣ и конницѣ, Посошковъ не забываетъ въ тоже время и артиллерію.

Въ посланіи своемъ къ боярину Головину, онъ по этому предмету писалъ слѣдующее:

«Да къ тому, еслибъ еще научились и изъ пушекъ стрѣлять въ цѣль, тобъ почему захотѣли, то потому бѣ и били безъ по-

грѣшенія, чтобъ страшны русскіе люди были всѣмъ окрестнымъ государствамъ. А буде, Государь, въ Руси такого человѣка не сыщется, кой бы могъ пушечную стрѣльбу устроить, чтобъ даромъ пули не пропадали, ипъ хотябъ великою цѣною изъ тѣхъ земель мастеровъ добыть, въ конхъ таковыя обрѣтаются, что по одному человѣку умѣютъ убить и пушкѣ въ дуло ядро вбиваютъ».

Говоря о пушкахъ, Посошковъ замѣчаетъ, что онѣ должны быть прямы и чисты; что же касается артиллерійскихъ снарядовъ, то на счетъ ихъ мы встрѣчаемъ въ «Посланія» Посошкова слѣдующія замѣчанія:

Посошковъ сообщаетъ боярину Головину, что на заводѣ боярина Льва Кириловича Нарышкина отливались девятипудовыя бомбы, которыя вѣроятно не будутъ годиться въ дѣло, такъ какъ стѣны ихъ были очень толсты. Вслѣдствіе этого, Посошковъ предлагалъ испытывать такія бомбы отсырѣлымъ порохомъ, «и если ихъ, замѣчаетъ онъ, разрывать не станеть, то лучше ихъ на службу не возить, а здѣсь бросить».

Представляя это Головину, Посошковъ не упускаетъ случая снова кольнуть Нѣмцевъ, говоря: «ей, Государь! надобно отъ нихъ опасатися, потому что свой своему по неволѣ другъ, и никогда иноземецъ не «сверстаеть» съ собою русскаго человѣка. Хотя они, продолжаетъ Посошковъ, со разныхъ земель, только не надежно имъ вовсе вѣрится: всегда онъ своеплеменнымъ лучше poradѣтъ и того ради надобно за ними гораздо смотрѣть».

Подозрѣвая иноземцевъ въ хитрости и въ тайномъ нерасположеніи къ Русскимъ, Посошковъ полагаетъ, что «у пороховой казны и у бомбнаго наряда» надобно быть человѣку русскому самому доброму и самому вѣрному и свѣдущему въ пороховомъ мастерствѣ.

Въ сочиненіи своемъ «О скудости и богатствѣ» (которое какъ мы уже замѣчали прежде, Посошковъ думалъ представить самому Государю), онъ уже ничего не говоритъ объ усовершенствованіи артиллеріи. Изъ этого обстоятельства мы вправѣ предполагать, съ нѣкоторою достовѣрностію, что артиллерія наша, въ теченіе времени между 1701 и 1724 годами, сдѣлала уже столько успѣховъ, что дальнѣйшій ихъ ходъ былъ выше собственныхъ знаній и собственныхъ догадокъ Посошкова по этой части.

Читая посланіе Посошкова къ боярину Головкину, мы между прочимъ встрѣчаемъ слѣдующій фактъ, какъ кажется весьма замѣчательный въ исторіи нашего военнаго искусства; именно мы узнаемъ, что царь Петръ Алексѣевичъ, говоря въ селѣ Преображенскомъ, на сержантскомъ дворѣ съ Посошковымъ, «изъ своихъ царскихъ устъ изрекъ», какъ пишетъ Посошковъ, «чтобъ сдѣлать рогатки огнестрѣльные въ три ряда, а на нихъ устроить по затинной пщаль, обращающейся на всѣ стороны, самыя цѣльныя съ замкамъ, чтобъ непріятеля встрѣтить можно было сажень за сто и больше».

Исполняя царское приказаніе, Посошковъ, какъ видно изъ его посланія, сдѣлалъ для образца маленькую деревянную рогатку, и представляя ее боярину Головину, просилъ его показать ее Государю, съ тѣмъ, чтобъ онъ могъ сдѣлать по этому образчику, въ случаѣ его одобренія Государемъ, еще двѣ, три такихъ рогатки, которыя бы и можно было испытать, до какой степени онѣ удобны для стрѣльбы, не тяжелы ли на походѣ и наконецъ какая отъ нихъ можетъ быть польза.

Такъ какъ при сочиненіяхъ Посошкова не имѣется чертежей приготовленной имъ или по собственному его плану или по указанію Петра рогатки, то нельзя съ точностью объяснить, въ чемъ именно состоялъ механизмъ ихъ устройства, и потому для любителей военнаго искусства мы выписываемъ собственные слова Посошкова, относящіяся къ устройству упомянутыхъ машинъ.

«Дѣло жъ въ тѣхъ рогаткахъ сіе есть: заправить стволы пулями и желѣзными жеребьями, и поставить ихъ на причинныхъ мѣстѣхъ и устроить ихъ, чтобъ стояли стволы въ грудь человѣку, и запалить верхній рядъ въ то время, какъ непріятель будетъ въ 30 или въ 40 саженьяхъ отъ рогатокъ, чтобъ ружьи мочно взять и пули бѣ даромъ не пропадали».

Какъ видно изъ сочиненія Посошкова, онъ возлагалъ большія надежды на эти рогатки, потому что далѣе онъ объ нихъ писалъ:

«И буде непріятель будетъ напорень, и черезъ побитыхъ передовыхъ людей станетъ выправливаться и въ то время запалить другой запасъ».

«И буде заупрямятся, продолжаетъ Посошковъ, и начнутъ еще справляться и тогда запалить изъ третьяго ряда, а въ то время поспѣютъ первой рядъ паки заправить и къ стрѣльбѣ приготовить».

Такою «рогаточною стрѣльбою» Посошковъ предполагалъ отбивать непріятелей разъ десять и даже болѣе. Мало этого, онъ думалъ употреблять эти рогатки, которыя, какъ видно изъ другаго мѣста его сочиненія, должны были быть на колесахъ, и для пораженія отступающаго непріятеля, и по этому предмету онъ дѣлалъ слѣдующія соображенія:

«А буде непріятелю рогаточная стрѣльба не понравится и поворотитъ прочь, и того ради доведетца изъ затинныхъ пищалей стрѣлять за нимъ въ погоню, и како я мышлю, и еслибъ тако и на дѣлѣ было, чтобъ отъ однѣхъ рогатокъ велико на непріятеля пораженіе было».

Передавая предположенія о ратномъ дѣлѣ, составленныя Посошковымъ въ 1701 году и представленныя имъ боярину Головину съ тою цѣлью, чтобъ онъ въ свою очередь сообщилъ ихъ Государю, надобно замѣтить, что намъ вообще неизвѣстно, какой дальнѣйшій ходъ имѣли предположенія Посошкова. Можно только сказать, что, не смотря на приказаніе Петра, данное Посошкову еще въ 1700 году, касательно заготовленія огнестрѣльныхъ рогатокъ, онѣ не были введены въ наше войско; между тѣмъ, мысль объ ихъ пользѣ не переставала занимать Посошкова и въ теченіе слѣдующихъ двадцати-четырехъ лѣтъ.

Такъ въ своемъ сочиненіи «О скудости и богатствѣ», написанномъ, какъ замѣчено прежде, въ 1724 году, онъ снова сообщаетъ императору о заготовленіи рогатокъ. Изъ словъ Посошкова, относящихся къ этому дѣлу, мы имѣемъ достаточное основаніе заключать, что въ теченіе двадцати-четырехлѣтняго промежутка, стрѣльба изъ ружей уже сдѣлала у насъ противъ прежняго значительные успѣхи.

Такъ Посошковъ въ 1700 году, не смотря на слова Петра о заготовленіи рогатокъ, бравшихъ на сто сажень, самъ довольствовался рогаточнымъ выстрѣломъ въ непріятеля на разстояніи отъ 30 до 40 сажень; а въ 1724 году онъ находилъ уже возможнымъ устроить такія рогатки—пищальныя, пули которыхъ встрѣчали бы непріятеля въ ста саженяхъ «пока къ сраженію сходятся и у нихъ бы начальныхъ людей, кои предъ полкомъ выступаютъ, по убавили бѣ», и чтобъ въ 30 саженяхъ рогатки встрѣчали непріятеля новымъ залпомъ.

«А конь отъ рогаточной стрѣльбы останутся, добавляетъ Посошковъ, то тѣхъ бы солдаты изъ своихъ фузей подхватили, а

отъ тоя стрѣльбы, кои остальцы будутъ, то бы ихъ бы ручнымъ боемъ прокололи».

Не довольствуясь и этимъ, Посошковъ замѣчаетъ : «а буде устремятся вспять, то конные, такіе жъ огнестрѣльные драгуны, проводили бъ ихъ до успокоенія вѣчнаго».

Изыскивая средства поражать непріятельскія силы въ открытомъ полѣ, Посошковъ еще въ своихъ предположеніяхъ, составленныхъ въ 1701 г., говоритъ нѣсколько словъ объ осадной войнѣ.

«Еще же и сіе изреку, пишетъ онъ, егда случитца на приступѣ градскомъ быть и изъ шанцовъ стрѣлять, то что поможетъ дружное стрѣленіе»? Вслѣдствіе его бесполезности, Посошковъ и въ шанцы совѣтуетъ сажать такихъ людей, которые стрѣляли бы не вдругъ залпами, а отдѣльно каждый самъ по себѣ, такіе «умѣльцы» нужны въ шанцахъ, пишетъ Посошковъ, для того, чтобы лишь только человѣкъ въ окошко взглянулъ или бы мелькнулъ межъ зубцовъ, «анъ его и надобно убить», и такъ «кто въ цѣль стрѣлять не умѣетъ, тому въ шанцы и ходить нечего», прибавляетъ онъ.

При этомъ случаѣ, Посошковъ разрѣшаетъ также вопросъ, почему непріятель при своихъ вылазкахъ наноситъ всегда слѣшкомъ сильный вредъ сидящимъ въ шанцахъ. По мнѣнію Посошкова, это происходитъ отъ того, что «стрѣлять въ цѣль ошанцовавшіеся не умѣютъ», и что они хотя и много дѣлаютъ выстрѣловъ, да не попадаютъ, и только напрасно трудятся въ то время, когда непріятель и сѣчетъ и рубитъ.

«А естлибъ такіе были умѣльцы», прибавляетъ Посошковъ, «чтобъ всякая пуля въ человѣка посажена была, а мимо бъ никто никогда не могъ стрѣлять», то вылазка бы не дѣлала осаждающимъ никакого вреда и напротивъ нападавшіе погибали бы сами, потому что ихъ назадъ уже не отпустили бы».

Посошковъ замѣчаетъ о бесполезности такихъ «отводныхъ карауловъ», при которыхъ солдаты, содержащіе ихъ, не умѣютъ стрѣлять въ цѣль изъ пицали. Развѣ только подастъ выстрѣломъ вѣсть полку, прибавляетъ онъ, а самъ пропадетъ даромъ, тогда какъ, по словамъ Посошкова, мѣткій стрѣлокъ «хотящаго его скрасть убьетъ самъ и даромъ не пропадетъ, но голову на голову смѣнитъ».

Мы оставляемъ въ сторонѣ назадки Посошкова на употребляемыя для земляныхъ инженерныхъ работъ кирпичи, потому что онѣ были нѣмецкаго издѣлья, и солдатъ работалъ съ ними

лишнихъ дни два, а зимнею порою и три, чего бы, между прочимъ, по увѣренію Посошкова, не было, если бы употреблять въ войскѣ кирки русскаго издѣлья и взыскивалось бы съ мастеровыхъ за дурное приготовленіе инструментовъ.

Составляя предположенія 1701 года, Посошковъ находилъ нужнымъ отдѣлить дѣйствующихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ отъ солдатъ, дѣйствовавшихъ холоднымъ, а изъ негодившихся ни къ тому ни къ другому составить особый отрядъ, который бы могъ быть, какъ выражается Посошковъ, «въ черной работѣ и у рогаточнаго наряду». Но если бы такихъ солдатъ оказалось для всего войска недостаточно, то для земляной работы онъ предполагалъ брать изъ крестьянства нарочныхъ даточныхъ, на время, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ продолженіе войны встрѣтится необходимость въ земляныхъ работахъ, и за тѣмъ, по минованіи надобности въ набранныхъ для этого крестьянахъ, отсылать ихъ домой.

Посошковъ находилъ нужнымъ прибѣгнуть къ этому для того, чтобъ солдаты, которые должны были итти въ бой съ непріателемъ, никогда бѣ утомлялись отъ земляной работы, но чтобъ они всегда были бодры, оставались на сторонѣ и были бы готовы во всякое время къ бою.

Кромѣ того, Посошковъ замѣчалъ, что «стрѣляльному мастеру» надобно на всякой недѣлѣ разъ другой изъ своей пищали выстрѣлить, чтобъ рука у него всегда къ стрѣльбѣ была тверда, и ружье бы не залеживалось.

Дѣлая эти предположенія, Посошковъ не думалъ вовсе о красотѣ разнаго строя, а напротивъ замѣчалъ, что если устроить и обучить войско, такъ какъ онъ предлагаетъ, то хотябъ оно въ полѣ «и не казисто» было, но за то было бы для непріателя страшнѣе, нежели прежніе наши многочисленныя полки.

Въ замѣчанія свои на счетъ лучшаго вооруженія нашего войска, разсудительный Посошковъ вводилъ слѣдующее размышленіе:

«Худъ тотъ холопъ, кой воли господа своего не творить; также худо и то ружье, въ которомъ обороны нѣтъ. По нашему зрится въ воинскомъ дѣлѣ, то и первое дѣло, чтобъ ружье было доброе, ружью ужъ надобенъ и воинъ добрый, а если ружье недоброе, то воинъ нечего безъ ружья храбростью дѣлать».

Но хорошо вооруженные и хорошо обученные солдаты не имѣютъ еще, по справедливому замѣчанію Посошкова, такой си-

лы, «которою всякій Государь могъ бы многія государства подъ свою руку покорить». Основнымъ условіемъ для успѣховъ въ военныхъ предпріятіяхъ, Посошковъ считалъ способныхъ начальниковъ; и, называя удалцами солдатъ, приготовленныхъ къ боевой жизни по его плану, онъ прибавилъ: «то надобно къ такимъ удалцамъ удалые и полководцы и въ воинскомъ дѣлѣ искусные, чтобъ умѣли ихъ вести, и отъ лукавства непріятельскаго знали бъ ихъ блюсти, чтобъ какимъ обманомъ ихъ не погубили, и за недознаніемъ полководца умѣніе ихъ стрѣльное даромъ бы не пропало».

Такимъ образомъ, ознакомившись съ предположеніями Посошкова объ устройствѣ, вооруженіи и обученіи нашего войска, сдѣланными имъ въ теченіе двадцати-четырёхъ лѣтъ, мы должны сказать, что всѣ они, по вѣрности взгляда, оправдываемаго и современными требованіями военнаго искусства, обнаруживаютъ зоркость русскаго крестьянина въ такомъ дѣлѣ, которое было для него совершенно чуждо.

Мысли Посошкова о необходимости отдавать предпочтеніе хорошо обученному войску передъ красивымъ, или «казистымъ», о правильной прицѣльной стрѣльбѣ взаимъ общихъ залповъ, дѣлаемыхъ на удачу, объ истребленіи непріятельскихъ начальниковъ и о вооруженіи конницы пистолетами — нельзя не признать мыслями, совершенно новыми при тогдашнемъ положеніи военнаго искусства Россіи.

Что же касается изобрѣтенныхъ, или по крайней мѣрѣ приготовленныхъ Посошковымъ «огнестрѣльныхъ рогатокъ», не введенныхъ однако въ наше войско, то мы позволимъ себѣ предположить, что не только, быть можетъ, механическія неудобства этихъ орудій, но и усовершенствованіе артиллеріи могло указывать на бесполезность такихъ машинъ, которыя, по своей огромности и по значительному числу состоявшаго при нихъ народа, могли служить слишкомъ вѣрною цѣлью для выстрѣловъ непріятельской артиллеріи.

Окончивъ разсмотрѣніе проектовъ Посошкова, намъ кажется, что познакомившись съ его сочиненіями, люди нашего времени будутъ имѣть возможность заключить, сколько шаговъ, въ теченіе почти полутора вѣка, сдѣлало впередъ наше военное искусство.

Какъ не специалисты, мы принимаемъ на себя только историческія воззрѣнія, предоставляя другимъ дѣлать, на основаніи ихъ, и сравненія и сближенія.

К. КЕМНИЦЪ.

